

оригинальная статья

УДК 94(57)+908

Ассимиляция русскими чулымских тюрок в первой половине XIX в. (на примере семьи Колмогоровых – старожилов села Чумай)

Олег Юрьевич Кузьмин

Управление МВД России по г. Кемерово, Россия, г. Кемерово

ol.kuzmin1975@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.12.2020. Принята к печати 14.01.2021.

Аннотация: Рассматриваются вопросы ассимиляции ясачных инородцев и включение их в состав русского старожильского населения в северных районах Кемеровской области – Кузбасса. На основе историко-генеалогического метода и микроисторического анализа образования отдельного населенного пункта выявлена специфика обрусения и окрестняничания чулымских тюрок, проживавших в бассейне реки Кия. В качестве примера ассимиляции выбран старожильский род Колмогоровых из села Чумай, расположенного в Чебулинском муниципальном округе Кемеровской области – Кузбасса. На основе впервые введенных в научный оборот источников (документы церковного учета, воспоминания старожилов села Чумай) реконструирован процесс изменения сословного статуса ясачных Колмогоровых. Кроме того, исследуются локализация ясачных волостей и причисление к ним Колмогоровых, устанавливаются причины и условия, способствующие вхождению ясачных инородцев в крестьянское сословие. Сделан вывод, что процесс включения инородцев Колмогоровых в чумайское крестьянское общество был не одномоментным, а длился в течение 25 лет. Вначале был довольно длительный этап окрестняничания ясачных, и только после этого происходило причисление к крестьянскому обществу и закрепление за ними сословного статуса крестьян. Вместе с тем констатируется факт, что массового причисления ясачных в крестьянское сословие в анализируемый период времени не происходило.

Ключевые слова: Сибирь, Причумылье, русские старожилы, ономастика, генеалогия, обрусение

Цитирование: Кузьмин О. Ю. Ассимиляция русскими чулымских тюрок в первой половине XIX в. (на примере семьи Колмогоровых – старожилов села Чумай) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 20–33. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33>

Введение

В условиях продолжающихся процессов разрушения сельской поселенческой структуры и фактического вымирания российской деревни, непрекращающегося оттока сельских жителей России в города изучение истории формирования крестьянского старожильского населения Сибири приобретает большое практическое значение, помогает выработать соответствующие предупредительные меры и понять пути дальнейшего развития российского села. Учитывая, что процесс складывания старожильской общности в Сибири неразрывно связан с процессом ассимиляции коренных народов, особую актуальность приобретает исследование вопросов межэтнических взаимоотношений. Обращение к историческому опыту взаимодействия русских первопоселенцев и аборигенов Сибири способствует выявлению факторов толерантного отношения в сфере межэтнических контактов в современности.

В настоящее время в науке накоплен богатый материал по изучению русской колонизации Сибири. Общепризнано, что основную роль в складывании старожильского населения Сибири сыграли русские служилые люди, переселенцы и ссыльные. Вместе с тем в исторической науке незаслуженно мало уделяется внимания исследованиям участия иноэтнических компонентов в формировании

старожильского населения Сибири, изучению вопросов вхождения в состав старожилов местного коренного населения. Между тем еще в 1973 г. по итогам экспедиционных исследований был поднят вопрос о смешениях старожилов с автохтонным населением и локальных вариациях физического типа сибиряков-старожилов [1].

В дореволюционный период вопросы ассимиляции инородцев Сибири рассматривались в трудах А. П. Щапова [2], С. С. Шашкова [3], Н. М. Ядринцева [4], Г. Н. Потанина [5], А. А. Кауфмана [6], Н. Н. Козьмина [7]. Предметом исследований в их работах выступали демографические процессы, оценка влияния на инородцев русской колонизации и роли государства. В советское и постсоветское время к проблемам ассимиляции сибирских инородцев и интеграции их в структуру русского населения обращались С. В. Бахрушин [8], Б. О. Долгих [9], Н. А. Миненко [10], М. М. Федоров [11], Л. М. Дамешек [12; 13], С. Г. Скобелев [14], Б. Е. Андюсов [15], Л. И. Шерстова [16], В. Н. Асочакова [17]. В целом, давая характеристику исследованиям советского и современного периодов, необходимо отметить достаточно глубокую разработку общих вопросов ассимиляции сибирских народов. В то же время отмечается довольно слабая изученность процессов включения аборигенного населения в крестьянское

общество в отдельных регионах Сибири. Данной теме посвящены работы О. А. Мурашко [18], А. А. Крих [19], А. Ю. Конева [20].

К изучению процессов формирования старожильческого населения Притомья в разное время обращались Н. П. Григоровский [21], Д. Н. Беликов [22], З. Я. Бояршинова [23], Н. Ф. Емельянов [24; 25], Л. А. Скрябина [26], И. П. Каменецкий [27], И. Ю. Усков [28], Т. А. Гончарова [29], А. А. Чурсина [30]. Вопросы освоения русскими отдельных территорий Кемеровской области рассматривали В. М. Кимеев [31], В. И. Косолец [32]. В своих работах исследователи изучали в основном центральную и южную части Кузбасса, история формирования старожильческого населения севера области не анализировалась. Данный факт был отмечен в 2017 г. И. Ю. Усковым [33]. Отсутствие исследовательского интереса связано прежде всего с тем, что территория севера Кузбасса (т. н. Нижнее Причумылье, преимущественно охватывающее бассейн р. Кия с притоками) была заселена русскими позднее, чем центр и юг региона. Отдельные аспекты формирования русского старожильческого населения в бассейне р. Кия освещались в рамках изучения колонизации русскими Причумылья и Приенисейского края в трудах Г. Ф. Быкони [34], Д. Я. Резуна [35], В. Н. Асочаковой [36; 37].

Среди немногих работ, посвященных истории возникновения населенных пунктов в бассейне р. Кия и заселения Московского тракта в этом районе, – труды В. Н. Добжанского [38], А. Н. Ермолаева [38; 39], О. Н. Катионова [40], Л. А. Скрябиной [41]. Краеведческие исследования по истории образования старожильческих селений севера Кузбасса представлены работами В. А. Карманова [42], Ф. В. Зеленина [43], О. Б. Беликовой [44], С. Копылова и Ф. Лапкина [45], О. В. Костюнина [46], А. А. Вайкутиса [47]. Как правило, краеведами исследовались городские поселения и крупные районные центры.

Необходимо отметить, что в работах вышеперечисленных авторов вопросы ассимиляции коренного аборигенного населения и его интеграции в состав русских старожилов не затрагивались.

Отдельные стороны ассимиляции коренного населения Причумылья отражены в работах, посвященных истории и этнографии чумльских тюрок, населявших бассейн р. Кия до прихода русских. Это исследование Н. А. Кострова [48], А. А. Ярилова [49], А. П. Дульзона [50], Н. Н. Козьмина [51], Л. П. Потапова [52], Э. Л. Львовой [53], В. Я. Бутанаева [54], Н. А. Томилова [55–57], И. А. Грачева [58], В. Н. Асочаковой [59; 60]. Однако основным предметом изучения в их работах были этногенез и этнография чумльцев, процессы обрусения и окрестянивания чумльских тюрок затрагивались в этих исследованиях фрагментарно.

Таким образом, представленный краткий историографический обзор подтверждает отсутствие отдельных публикаций и работ, посвященных ассимиляции русскими кийских татар и вхождению их отдельных групп в состав русских старожилов.

Целью данной статьи является изучение особенностей процесса ассимиляции коренного населения бассейна р. Кия в первой трети XIX в. на примере обрусения ясачных Колмогоровых, впоследствии ставших старожилыми с. Чумай Томской губернии. В основу работы был положен микроисторический подход, предполагающий детализированное изучение конкретного человека, семьи, их поведенческих мотивов в условиях изменения социально-экономической и политической конъюнктуры на отдельно взятой территории. Использование микроисторического анализа в сочетании с историко-генеалогическим методом позволяет проследить во времени изменение сословного статуса семьи Колмогоровых, выявить причины и условия вхождения их в состав крестьянского общества с. Чумай. В качестве источников использовались законодательные акты Российской империи, документы церковного учета Кийского прихода (метрические книги, исповедные росписи) и неопубликованные воспоминания старожилов с. Чумай. Временные рамки исследования охватывают период времени с 1808 г. (образование крестьянского общества с. Чумай) по 1834 г. (юридическое закрепление статуса государственных крестьян за ясачными Колмогоровыми).

Происхождение фамилии ясачных Колмогоровых

Деревня Чумайская была основана русскими переселенцами из Кавказской губернии в 1808–1809 гг. [61]. Территория для заселения кавказским переселенцам (более 25 семей) была отведена властями в месте традиционного проживания местного инородческого населения – на берегу р. Кия. По воспоминаниям одного из потомков кавказских переселенцев Федора Григорьевича Ачкасова (19.02.1895–06.07.1983), «по приезду [кавказских переселенцев] на Чумай был населен местными жителями-инородцами», и «государственные власти», желая разделить переселенцев и ясачных, «предложили всем инородцам переселиться на правый берег реки Кия»¹. При этом, по сведениям Ф. Г. Ачкасова, инородцам было объявлено, что если кто не пожелает переселяться, будут нести воинскую повинность, от которой они были в то время освобождены. Согласно существовавшему законодательству, для инородцев это означало причисление к сословию государственных крестьян и обложение подушной податью. Ф. Г. Ачкасов сообщает, что все проживавшие в Чумае инородцы подчинились, за исключением одной семьи – Колмогоровых². Так ясачные инородцы Колмогоровы стали жителями

¹ Воспоминания Федора Григорьевича Ачкасова в 2-х тетрадях. Перепечатано точно по тексту писателем-историком В. Новокшеновым // Личный архив Ф. Ф. Ачкасова (ЛАА). Тетрадь 1.1.

² Там же.

русского села, впоследствии полностью обрусели и вошли в состав крестьянского старожильского общества. В настоящее время потомки чумайских старожилов Колмогоровых считают себя этническими русскими, не догадываясь о своем происхождении.

Принято считать, что фамилия *Колмогоров* является традиционным русским фамильным прозвищем, образованным от названия старинного поморского села Холмогоры (Колмогоры), расположенного на р. Северная Двина. По мнению ученых-ономастов, фамилия *Колмогоров* или *Холмогоров* была распространена на Русском Севере [62, с. 247; 63, с. 113; 64, с. 47]. Учитывая, что заселение Урала и Сибири в XVII в. преимущественно шло с севера России, представители фамилии *Колмогоров* проживали едва ли не в каждом сибирском старожильском селении. Таким образом, требует разъяснения вопрос появления у кийских татар северорусской фамилии *Колмогоров*. На наш взгляд, происхождение фамильного прозвища ясачных Колмогоровых связано с этнической историей кийских инородцев.

Татары, населявшие бассейн р. Кия, являлись частью чулымских тюрок и были известны русским с начала XVII в. Первоначально они являлись данниками (кыштымами) енисейских киргизов, а впоследствии были объяснены русскими властями. В документах XVII в. территория по р. Кия называлась Кийской ясачной волостью. В начале XVIII в. кийские татары были приняты в русское подданство и христианизированы.

Известно, что этноним *чулымские татары* объединял несколько различных этнических групп. По мнению этнографа и историка В. Я. Бутанаева, на р. Кия проживали представители этнической группы *аргын*, составной частью которой был сеок (род) *халмах* [54, с. 23]. Аргыны или аргунцы в свою очередь считались одним из родов хакасов-кызыльцев [51, с. 20]. Кызыльцы называли членов сеоков аргын и халмах *кий суг* – т. е. жители долины р. Кия [54, с. 23]. Аргыны являются древним тюркоязычным племенным образованием, но происхождение их до конца не выяснено [65]. Вполне вероятно, что аргыны были частью тюркоязычных кыпчаков, позднее принявших участие в формировании казахов и сибирских татар. Так, по некоторым данным, после разгрома Кучума часть сибирских (ишимских, тобольских, барабинских) татар вошла в состав кызыльцев [54, с. 21; 56, с. 70; 66, с. 1]. Возможно, это и были аргунцы.

Название сеока *халмах* или *калмах*, скорее всего, связано с этнонимом *калмык*. По сведениям Н. А. Аристова [67, с. 345], Л. П. Потапова [52, с. 172] и В. Я. Бутанаева [54, с. 22], кызыльский сеок *халмах* в основном состоял из переселившихся телеутов, которых русские называли белыми калмаками. В источниках отмечается, что часть белых калмаков в XVII–XVIII вв. проживала по притокам Кии, рекам Тисуль и Серта [4, с. 43; 52, с. 172–173; 54, с. 22]. Трудно сказать, почему этноним монголоязычных калмыков передался тюркоязычным телеутам. По одним

данным, потому что в формировании телеутов принимали участие монгольские ойратские племена, по другим – телеутов прозвали белыми калмаками в противоположность черным калмакам [68; 69, с. 123; 70, с. 276; 71]. В XVII в. телеуты, которых называли *белые калмаки*, входили в состав Джунгарского ханства, господствующее положение в котором занимали ойраты, известные как черные калмыки [72, с. 81, 128], поэтому они противопоставлялись друг другу.

Уже в начале XVII в. в соответствии с этнонимами кызыльцев, аргунцев и калмахов образовались ясачные окладные волости Кызыльская, Аргунская, Калматская, располагавшиеся в бассейнах рек Чулым и Кия. Есть основания полагать, что Аргунская и Калматская ясачные волости – это два разных названия одной и той же волости. Так, в середине XIX в. князь Н. А. Костров писал, что в числе 10 кизильских родов малоаргунский также назывался *калмах* [48, с. 14]. Э. Л. Львова фиксирует второе название Аргунской волости – *Калмах* [53, с. 14]. Известный сибирский краевед А. А. Ярилов, напротив, в своей работе «Кизильцы и их хозяйство» приводит данные о том, что в числе 10 кызыльских родов были отдельно кызыл, камнар, шуй, курчик, аргын, калмак и др. [49, с. 1]. В пользу того, что аргунцы и калмаки являлись одной этнической группой, говорит тот факт, что в составе Больше-Аргунской волости были юрты *Калмацкие* [56, с. 73]. Вместе с тем Н. А. Томилов не отрицает и возможного смешения тюрок-аргунов и телеутов-калмаков во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. [55, с. 158].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что происхождение фамильного прозвища ясачных инородцев Колмогоровых связано с их этнической принадлежностью к сеоку *халмах* или *калмах*. Фамильные окончания во множественном числе у хакасов оканчиваются на *-лар*, *-нар*, *-тар*. Не исключено, что предки Колмогоровых из сеока *халмах* представлялись русским как *халмахлар* или *халмахар*. А русские переписчики записывали их в более понятной им форме *Халмагоровы*, позднее окончательно русифицированной в фамилию *Калмагоров* или *Колмогоров*. Наличие фамилии *Колмогоров* у кызыльцев исследователи отмечали еще в XIX в. По данным А. А. Ярилова, фамилия *Колмогоров* существовала в Малоаргунском роде кызыльцев [49, с. 38]. В одной из своих работ, посвященной происхождению хакаских фамилий, В. Я. Бутанаев фиксирует, что фамилия *Калмагоров* была распространена в сеоке *халмах* Малоаргунского рода [54, с. 45].

Ученые сходятся во мнении, что большинство хакаских фамилий образовано от личных имен [54, с. 25; 73]. Между тем ряд исследователей считает, что некоторые инородческие фамилии были производными от названий родов-сеоков, а наиболее крупные сеоки имели несколько фамилий, имеющих общее родовое происхождение [74, с. 130]. Например, у хакасов есть фамилия *Тюльберовы*, произошедшая, по-видимому, от сеока *тюльбер*.

В источниках упоминается также фамилия ясачных Казылдеевых из Кызыльдейской ясачной волости³.

Появление фамилий у чулымских татар относится к началу XVIII в., после их массового крещения. Поголовным «офамиливанием» инородцев русской администрации достигалась цель более точного учета при сборе ясака. Необходимо отметить, что возникновение у чулымцев фамилий, безусловно, способствовало их русификации. «Поморская» фамилия ясачных Колмогоровых маскировала их этническое происхождение и способствовала адаптации среди русских переселенцев.

Ясачные окладные волости

Согласно сохранившимся записям в метрических книгах Николаевской (Никольской) церкви села Кийского, ясачные Колмогоровы являлись ее прихожанами еще в XVIII в. При этом в метрических книгах конца XVIII – начала XIX в. представители рода Колмогоровых записывались как ясачные Камральской, Калматской (Калмацкой), Малоаргунской и Кумыльской ясачных волостей. Так, в метрической книге Кийской Николаевской церкви имеется запись о том, что 25 января 1803 г. ясачный Камральской волости Кузнецкой округи Агапий Иванов Колмогоров женился на «Курчиковой волости умершего ясашного Василия Буланакова дочери девице Марье»⁴. В 1804 г. в метрической книге Кийской церкви родственник Агапия Колмогорова Григорий Федоров Колмогоров записан как ясачный Камральской волости⁵. В 1807 г. ясачные Колмогоровы числятся в Калматской ясачной волости. В метрической книге Кийской церкви за 1807 г. зафиксировано рождение у «ясашного Калмацкой волости» Агапа Колмогорова дочери Пелагии⁶. В метрической книге Николаевской церкви за 1810 г. Петр и Агап Колмогоровы записаны ясачными Кумыльской ясачной волости⁷.

Камральская, Кумыльская и Калматская (Малоаргунская) ясачные волости располагались в районах Причумылья Томской губернии, однако в XVIII – начале XIX в. конкретные территории за ними закреплены не были. По всей видимости, Камральская волость – это известная с 1706 г. т. н. Камларская ясачная волость⁸, получившая название от кызыльского сеока *хамнар* [54, с. 22], а под Кумыльской волостью надо понимать Кымысскую (Кумысскую или Кумышскую) ясачную горную порубежную волость, известную с начала XVIII в.⁹ Калматская ясачная волость, как выше было установлено, имела второе, более позднее название –

Малоаргунская. В метрической книге Николаевской церкви за 1813 г. все ясачные Колмогоровы снова записаны ясачными Калматской волости. Все вышеперечисленные ясачные волости объединяло то, что их населяли близкородственные сеоки кызыльцев.

Инструкция Сената, данная секунд-майору А. Щербачеву в 1763 г.¹⁰, закрепляла ясачную волость как неделимую податную единицу, поэтому произвольно ясачные переходить из одной волости в другую не могли. Однако на практике такие переходы ясачных осуществлялись. Н. А. Томилов отмечает, что в XVIII – начале XIX в. чулымские тюрки вели достаточно подвижный образ жизни, приводивший к смешению населения разных ясачных волостей [55, с. 161]. Как правило, переходы осуществлялись по экономическим мотивам. По мнению А. А. Ярилова, инородцы стремились перейти из одной волости в другую «в виду хозяйственных удобств» [66, с. 66]. Иногда таким способом ясачные уклонялись от отбывания податных обязанностей. Ввиду того, что ясачные волости не имели четких территориальных границ, инородцы одной волости зачастую оказывались проживающими на землях другой. В. Я. Бутанаев отмечает, что русская администрация в ходе образования ясачных волостей, с одной стороны, объединяла в один род представителей разных сеоков, с другой – представители одного сеока оказывались расчлененными между разными аймаками [75, с. 261]. К примеру, в XVIII в. аргунцы жили совместно с населением Камларской волости [52, с. 155]. Самовольное причисление инородцев к волостям сохранялось до принятия Устава об управлении инородцев в 1822 г. [76, с. 96]. Но еще в середине XIX в. не редкостью было, когда инородцы были приписаны сразу к нескольким ясачным волостям и одновременно к русской и ясачной.

Переходы из одной волости в другую характеризуют ясачных Колмогоровых как достаточно мобильных в хозяйственно-экономическом отношении людей, видимо, поэтому они стали одними из первых инородцев, кто вступил во взаимодействие с русскими переселенцами.

Причины проживания ясачных в русском селе

По мнению Н. А. Томилова, часть чулымцев начала постепенно переселяться в русские деревни уже во второй половине XVIII в., когда в Причумылье появились первые русские поселения [55, с. 170]. Источники не фиксируют сколько-нибудь значимых конфликтов между ясачными и русскими переселенцами. Напротив, немецкий исследователь

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 89 об.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 21 об.

⁶ Там же. Л. 57 об.

⁷ Там же. Л. 99.

⁸ Приходные окладные ясачные книги Томского уезда, 1706–1718 / изд. И. Кузнецов-Красноярский. Томск: Типо-лит. П. И. Макушина, 1893. С. 10.

⁹ Там же. С. 121.

¹⁰ Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. Якутская область, Охотский край. СПб.: Тип. Акад. наук, 1856. С. 251–268.

И. Г. Георги в конце XVIII в. сообщал, что чулымские татары сами просили власти «о заведении между ними русских деревень» [77, с. 144]. Учитывая, что русские деревни часто возникали на месте татарских юрт, многие инородцы предпочитали оставаться проживать на своих местах. Такое положение устраивало как русских поселенцев, так и инородцев. Русские перенимали от них способы проживания в суровых условиях горно-таежной местности, методы охоты, рыболовства и собирательства. В свою очередь ясачные усваивали быт русских, заимствовали земледельческую культуру, ремесла, обзаводились русскими избами. По свидетельству многих современников, к началу XIX в. чулымские татары уже достаточно обрусели [77, с. 92; 78, с. 128]. Правительство выступало гарантом спокойствия в отношениях между русскими переселенцами и инородцами. Согласно вышеупомянутой инструкции секунд-майору А. Щербачеву, инородцев запрещалось сгонять с мест, предписывалось обходиться с ними при сборе ясака «ласково», не допускалось вмешиваться в самоуправление¹¹.

Несмотря на охранительную политику государства в отношении инородцев, на протяжении XVIII в. доля пушнины в ясаке неуклонно снижалась. В связи с этим к началу XIX в. пушной промысел для многих ясачных становится второстепенным, происходит переход на уплату ясака деньгами либо в смешанной форме. Инородцы постепенно осваивают хлебопашество, возрастает степень их оседлости. Некоторые ясачные видят привлекательность проживания в русских деревнях путем поступления в работники к крестьянам.

Проживание инородцев на правах работников у русских крестьян было достаточно распространенным явлением. Однако не стоит усматривать в этом наличие каких-либо кабальных отношений. Скорее всего, ясачные проживали в русских селениях на правах подворников. Такая форма совместного ведения хозяйства существовала у государственных крестьян в XVIII – первой половине XIX в. В числе подворников у крестьян могли проживать не имеющие своего хозяйства односельчане, ссыльнопоселенцы, переселенцы и даже родственники. Как правило, при поступлении в работники инородцы заключали договора (т. н. обязательные письма), где оговаривались условия проживания на подворье хозяина и размер оплаты [49, с. 134].

Вполне возможно, что первоначально ясачные, проживавшие в д. Чумайской, тоже находились в работниках у русских переселенцев. Поступление «в работу» к крестьянам давало им возможность вносить ясак деньгами. Так, в Кийской волости в 1795–1796 гг. числилось 112 инородческих юрт,

в которых проживало 1299 человек, из них 274 человека (60 семей) находилось «в работах» у русских [34, с. 129]. Со временем ясачные обзаводились в русских селениях собственными дворами и хозяйством.

Уже в первые годы после образования Чумая (1809–1810 гг.) в метрических книгах Кийского прихода начинают встречаться записи, указывающие на проживание в деревне инородцев. В метрических записях фигурируют фамилии ясачных Качкиных, Кукарцовых и Колмогоровых. Проживавших в Чумае ясачных в метрических книгах записывали либо как «ясачные деревни Чумайской», либо как «ясачные Калматской волости деревни Чумайской», чем подчеркивался их сословный статус. Так, в метрической книге Николаевской церкви за 1809 г. записано, что у «деревни Чаманской есашного Андрея Тимофеева Качкина» родилась дочь¹², в метрической книге той же церкви за 1813 г. Парфентий Иннокентьевич Колмогоров записан «ясачным Калматской волости деревни Чумайской»¹³. Проживая в русском селении, инородцы в фискальном отношении продолжали подчиняться своим органам управления [79, с. 108].

Показателем успешной адаптации ясачных в Чумае являются семейно-брачные отношения. Анализ метрических книг показывает, что чумайские ясачные часто были восприемниками у крестьянских детей. Согласно церковным канонам, выступая восприемниками (крестными родителями), ясачные вступали с ними в т. н. духовное родство. Уже в 1809 г. в метрической книге был зафиксирован первый в Чумае межэтнический брак между кавказским переселенцем Петром Петровичем Смоляниновым и дочерью ясачного Калматской волости Петра Колмогорова Прасковьей¹⁴. Необходимо отметить, что крестьяне не только женились на ясачных, но и отдавали замуж за них своих дочерей. Сохранились записи о том, что в январе 1813 г. «ясачный Калматской волости Гаврила Петров Комогоров» женился на дочери крестьянина деревни Кайдатской Ивана Белошапкина Наталье¹⁵, а «ясачный Калматской волости Агап Иванович Колмогоров» в том же году вторым браком женился на Кийской волости деревни Кориковой крестьянской дочери Наталье Ивановне Шадринной¹⁶. Семейно-брачные отношения крестьян с инородцами были выгодны обеим сторонам и способствовали их сближению во многих отношениях. А. А. Ярилов отмечал, что инородцы, находившиеся у русских крестьян в работниках, перенимали у них земледельческий опыт, зачастую путем женитьбы на русских заводили собственное хозяйство в этом же селении [49, с. 186]. Нельзя недооценивать и роль

¹¹ Бульчев И. Путешествие по Восточной Сибири ...

¹² ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 85.

¹³ Там же. Л. 155 об.

¹⁴ Там же. Л. 88.

¹⁵ Там же. Л. 154 об.

¹⁶ Там же. 155 об.

церкви в брачных связях инородцев с русскими крестьянами, которая проповедовала равенство всех христиан независимо от их этнической принадлежности и ратовала за увеличение количества прихожан.

Несмотря на проживание в течение нескольких лет в Чумае, ясачные в крестьянское сословие не перечислялись, хотя такой переход в это время по особому разрешению властей был возможен. К тому же данные метрических книг Кийского прихода позволяют говорить о том, что единичные случаи перехода ясачных инородцев в сословие крестьян совершались еще в самом начале XIX в. К примеру, в метрической книге за июнь 1810 г. записана «деревни Шестаковой вдова, солдацкая жена Марина Михайлова Буланакова»¹⁷. Известно, что Буланаковы происходили из ясачных Курчиковой ясачной волости.

Не исключено, что в это время чумайским ясачным с экономической точки зрения было выгодно оставаться в ясачном состоянии. Выплачивать ясак было менее обременительным, чем подати, налагаемые на государственных крестьян, которые превышали ясак почти в два раза. С 1763 г. размер ясака составлял 85 коп. на душу [3, с. 190], а с 1806 г. осуществлялся еще дополнительный подушный сбор в размере 44 коп.¹⁸ В итоге ясачный должен был внести 1 руб. 25 коп. (иногда выплаты доходили до 1 руб. 50 коп. с души). Кроме этого, инородцы отправляли натуральные повинности: подводная гоньба и устройство дорог. Крестьянский же оклад, напротив, вырос к 1818 г. до 3 руб. с души, и они также несли земские повинности и вносили мирские сборы. По сведениям публициста и этнографа С. С. Шашкова, до реформы 1822 г. ясачная подать была столь незначительной, что за ясачных, находящихся у них в работниках, крестьяне сами ее оплачивали [3, с. 188].

Причисление к сословию государственных крестьян

Механизм перехода ясачных инородцев в сословие государственных крестьян до 1822 г. не был четко определен. Только в Уставе об управлении инородцев, принятом 22 июля 1822 г., в параграфах 22–23 прописывалось, что «поступают в государственные крестьяне все малочисленные племена инородцев, живущих в русских селениях, или смешанно между россиянами, и упражняющиеся в земледелии», а «инородцев, живущих издавна в работах, записать в крестьяне в тех самых селениях, где они по наймам жительствоуют до ныне»¹⁹. При этом в Уставе оговаривалось, что перевод инородцев в разряд крестьян осуществлялся

по их собственному желанию. По мнению С. С. Шашкова, в Уставе под инородцами, «проживавшими в русских селениях», надо понимать в первую очередь закабаленных русскими крестьянами инородцев-работников [3, с. 188].

По сведениям метрических книг, в 1820-е гг. сословный статус чумайских ясачных не изменился. Проживая в д. Чумайская Кийской волости ясачные Качкины, Кукарцовы и Колмогоровы, по-прежнему числились приписанными к ясачным волостям. В 1826 г. в метрической книге Кийской церкви имеются записи о «ясашном» деревни Чумайской Павле Колмогорове²⁰ и уже известном нам «ясашном» Калматской волости Агапе Колмогорове²¹. В исповедных росписях Николаевской церкви Колмогоровы были записаны в разделе ясачных, отдельно от крестьян и их домашних²².

В соответствии с сибирскими реформами 1822 г. произошли административно-территориальные преобразования в Томской губернии и разделение ясачных волостей на оседлые и кочевые. Малоаргунская ясачная волость, в которой числились чумайские Колмогоровы, оказалась в разряде «кочевых» и территориально вошла в состав Ачинского округа Енисейской губернии. Зачастую распределение инородческих волостей на кочевые и оседлые было необоснованным. По данным А. А. Ярилова, в 1829 г. в Малоаргунском роде основным занятием было земледелие [49, с. 29].

Государственная политика в отношении инородцев была направлена на ассимиляцию ясачных, особенно тех, кто занимался земледелием и проживал в русских селах. Казалось бы, реализация положений Устава об управлении инородцев должна была привести к увеличению количества аборигенных жителей в русских деревнях и волостях, но на практике этого не произошло. Во-первых, в Уставе закреплялось право освобождения инородцев от рекрутской обязанности, что в основном и удерживало ясачных от причисления к крестьянскому сословию. Во-вторых, с переходом в крестьяне ясачные должны были оплачивать крестьянскую подать, размер которой был больше, чем у «кочевых» инородцев. В отличие от «оседлых» инородцев, которые по Уставу 1822 г. приравнивались во всех отношениях (в т. ч. в фискальном) к государственным крестьянам, «кочевые» продолжали вносить ясак в размерах, определенных еще в 1763 г. Так, В. Г. Карцов приводит данные о том, что в 1827 г. красноярские ясачные качинцы и аринцы, проживавшие в русских селениях, не вернулись к своим соплеменникам по требованию властей даже после того, как им пригрозили

¹⁷ Там же. 102 об.

¹⁸ О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе: с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 г. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. X: 1835. Отд-ие I. № 7917. С. 187.

¹⁹ Об управлении инородцев // ПСЗРИ. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ия Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXVIII: 1822–1823. № 29126. С. 394–417.

²⁰ ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 335.

²¹ Там же. Л. 342.

²² ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 223. Л. 319–322.

переименованием в крестьяне и обложением подушной податью [80]. Видимо, поэтому чумайские Колмогоровы, числящиеся в «кочевой» Малоаргунской ясачной волости, по-прежнему предпочитали оставаться в ясачном состоянии.

Однако со временем появляются веские причины для перехода ясачных Колмогоровых в крестьяне. Невзирая на то, что размер ясака для кочевых инородцев оставался до 1835 г. прежним, в целом финансовая нагрузка возросла и появились недоимки. Связано это было с уменьшением в волостях наличных душ. Если в 1816 г. мужское население Малоаргунской волости составляло 103 человека, то в 1825 г. числилось 48 душ мужского пола [49, с. 30]. В 1824 г. с одной души в Кызильской степной думе собирали 5 руб. 41 коп. (казенная повинность составляла 4 руб. 44 коп., волостные повинности – 97 коп.) [49, с. 71–72]. Как и прежде, ясак вносился частью пушниной, частью деньгами.

Таким образом, Колмогоровы, проживая в д. Чумайская Томской губернии, вынуждены были платить ясак по месту приписки, т. е. в Ачинское окружное управление Енисейской губернии. Возможно, чумайские Колмогоровы платили взносы в Кызильскую степную думу на содержание письмоводителя, жалование родовым старостам и ясаулам. Помимо этого, Колмогоровы должны были отправлять общине по Енисейской губернии земские (общинные) повинности либо возмещать их деньгами в Кызильскую степную думу, где делалась раскладка. Кроме этого, Колмогоровы оплачивали взносы по месту проживания за пользование общинной крестьянской землей, сдавали мирские волостные и сельские сборы. При таких условиях Колмогоровым было целесообразно перейти в крестьянское сословие и оплачивать все сборы в одном месте.

Следует отметить, что переход ясачных в крестьяне был не всегда безболезненным. Помимо получения разрешения на причисление крестьянского общества, они должны были получить дозволение от родственников и от инородной управы. Дума выдавала увольнительные свидетельства только в том случае, если отсутствовали недоимки. Судя по всему, для ясачных Колмогоровых, уже длительное время проживавших в д. Чумайская и породнившихся с чумайскими крестьянами, затруднений при переходе из одного сословия в другое не было. А. А. Ярилов писал, что обычно ясачные обосновывали свой переход так: «такой-то с давняго времени находясь в работниках у крестьян, навывкиши к оседлости и домоводству, желает поступить в крестьяне» [49, с. 189]. По Уставу об управлении инородцев, перечисление инородцев в крестьяне приурочивалось к очередной ревизии.

Согласно данным из метрических книг прихода села Кийского, ясачные Калматской (Мало-Аргунской) волости Колмогоровы с конца 1834 г. записывались крестьянами д. Чумайская. В метрической книге Николаевской церкви

за 1834 г. Гавриил Колмогоров записан крестьянином д. Чумайская²³, а его родственник Александр Колмогоров в 1835 г. числился как крестьянин д. Шестакова²⁴. Вместе с тем другие родовичи Колмогоровых, Качкины и Кукарцовы остались в сословии ясачных и в Чумае не осели. В соответствии с положениями Устава об управлении инородцев причисление Колмогоровых произошло к 8-й ревизии, проводившейся в 1833–1835 гг. Стоит отметить, что переход ясачных в крестьянское сословие продолжался и в последующие годы. По сведениям А. А. Ярилова, взятым из материалов архива Кызильской степной думы, ясачной комиссией в оседлое состояние в 1850 г. было перечислено еще 3 инородца Мало-Аргунской ясачной волости, «проживавшие в д. Чумуе и Шестаковой» Томской губернии [49, с. 188].

Заключение

Процесс включения инородцев Колмогоровых в чумайское крестьянское общество был не одномоментным, как описывает его в своих воспоминаниях Ф. Г. Ачкасов, а происходил в течение 25 лет. Вначале был довольно длительный этап окрестывания ясачных, и только после этого происходило причисление к крестьянскому обществу и юридическое закрепление за ними сословного статуса крестьян. Анализ источников показал, что далеко не все ясачные адаптировались в русском селе. В Чумае это были только ясачные Колмогоровы, остальные семьи инородцев так и остались в прежнем состоянии и впоследствии выехали из села.

Видимо, первоначально инородцы по взаимовыгодному согласию с переселенцами находились у них «в работах», постепенно сближаясь с крестьянами. Уже в первые годы возникновения с. Чумай заключаются браки между русскими переселенцами и ясачными. Со временем ясачные перенимают крестьянский уклад, обзаваются хозяйством, заводят пашню. Политика власти в отношении ясачных характеризуется неоднозначно. С одной стороны, она была направлена на окрестывание и обрусение инородцев, с другой – наблюдается непоследовательность в налоговом обложении. В конце концов в силу экономических причин оставаться в ясачном состоянии для чумайских Колмогоровых стало невыгодно, и к середине 1830-х гг. они перечисляются в сословие государственных крестьян.

Необходимо констатировать, что хотя единичные случаи перехода ясачных в сословие крестьян совершались еще в самом начале XIX в., массового причисления инородцев в рассматриваемое время в крестьянское сословие не происходило. Вместе с тем заселение русскими бассейна р. Кия не повлекло изоляцию местного населения от первопоселенцев, оно было включено в социальную структуру. Аборигены никуда не выселялись, продолжали жить вместе с русскими на своих землях. Толерантность демонстрировали как власти, так и русские поселенцы.

²³ ТГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 107. Л. 194 об.

²⁴ Там же. Л. 159 об.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Русские старожилы Сибири: ист.-антропол. очерк / отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева. М.: Наука, 1973. 189 с.
2. Щапов А. П. Сочинения. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. Т. 3. 718 с.
3. Шашков С. С. Исторические этюды. СПб.: Изд. Н. А. Шигина; Тип. А. Моригеровского, 1872. Т. 2. 349 с.
4. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное состояние. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова; Тип. И. Н. Скороходова, 1891. 308 с.
5. Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды / под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. С. 260–294.
6. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. IX+349+81 с.
7. Козьмин Н. Н. К вопросу о вымирании инородцев // Сибирские записки (Красноярск). 1916. № 2. С. 99–108.
8. Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 299 с.
9. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
10. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: ист.-этногр. очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.
11. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.
12. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 164 с.
13. Дамешек Л. М. Проблемы интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – нач. XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. мат-лов Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 22–23 сент. 2003 г.) Новосибирск: НГУ, 2003. С. 94–105.
14. Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1998. 56 с.
15. Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв. 2-е изд. Красноярск: КГПУ, 2003. 336 с.
16. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
17. Асочакова В. Н. Политика христианизации коренных народов Сибири в XVII–XIX вв.: историографический аспект // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2012. № 1. С. 39–43.
18. Мурашко О. А. Старожилы Камчатки в историко-демографической и социально-экономической перспективе // Межэтнические контакты и развитие национальных культур / отв. ред. И. И. Крупник. М.: Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР, 1985. С. 77–88.
19. Крих А. А. Иноэтнические компоненты в составе русского старожильского населения Среднего Прииртышья: XVIII в. – 80-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 26 с.
20. Конев А. Ю. О включении ясачных в сословие государственных крестьян (на материалах Западной Сибири) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2007. № 3. С. 11–16.
21. Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края // Записки Зап.-Сиб. Отдела ИРГО. Омск, 1879. Кн. 1. С. 7–8.
22. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: общий очерк за XVII и XVIII столетия. Томск: Типо-лит. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 138 с.
23. Бояршинова З. Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вопросы истории Сибири / ред. А. П. Бородавкин. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Вып. 1. С. 44–55.
24. Емельянов Н. Ф. Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. Томск: Томский ун-т, 1976. Вып. 19. С. 90–107.
25. Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 181 с.
26. Скрябина Л. А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX вв.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 130 с.
27. Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв.: (опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск: [Омский ин-т РГТЭУ], 2005. 338 с.
28. Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 130 с.

29. Гончарова Т. А. История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – начало XXI в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 226 с.
30. Чурсина А. А. Изменение сословного статуса служилых людей Западной Сибири и их потомков в процессе хозяйственной деятельности: на материалах Томского и Кузнецкого уездов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 23 с.
31. Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 250 с.
32. Косовец В. И. Заселение и освоение окрестностей Юрги и прилегающих территорий среднего Притомья и Приобья. Юрга: Юргинский филиал ФГУП ЦНИИ «Комплекс», 2010. 142 с.
33. Усков И. Ю. Динамика численности русского населения левобережного Причумылья в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 91–95. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95
34. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. 2-е изд., доп. Красноярск: КГПУ, 2013. 347 с. Режим доступа: <http://elibrary.ru/document/8017> (дата обращения: 15.12.2020).
35. Резун Д. Я. Русские в среднем Причумылье в XVII–XIX вв. (Пробл. соц.-экон. развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 196 с.
36. Асочакова В. Н. Христианизация коренных народов Сибири в контексте ясачной политики российского правительства в XVIII – начале XIX вв. // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: мат-лы VIII Междунар. конф. (Горно-Алтайск, 19–23 сентября 2007 г.) Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. Т. I. С. 138–141.
37. Асочакова В. Н. Проблема межэтнического взаимодействия в ходе христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края: XVIII–XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. С. 92–95.
38. Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н. Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 170–175.
39. Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск 1856–1917 гг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 741 с.
40. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск: НГПУ, 2004. 568 с.
41. Скрыбина Л. А. К истории Московско-Сибирского почтового тракта на территории современной Кемеровской области // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2018. № 7. С. 53–67.
42. Карманов В. А. Тисуль: страницы прошлого и настоящего Тисульского района. Кемерово: Кн. изд-во, 1983. 93 с.
43. Зеленин Ф. В. Земля Мариинская. Краеведческое пособие. Кемерово: Кемер. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1999. 195 с.
44. Беликова О. Б. Средневековая история земли Первомайской // Земля первомайская / отв. ред. Я. А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 70–93.
45. Копылов С., Лапкин Ф. Город на Кии: к 300-летию Мариинска (поселение Кийска). Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 2004. 490 с.
46. Костюнин О. В. История земли Тяжинской. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. Т. 1. 461 с.
47. Вайкутис А. А. Этапы сложного пути: к 90-летию образования Чебулинского района. Верх-Чебула, 2014. 48 с.
48. Костров Н. А. Кизильские татары. Казань, 1853. 38 с.
49. Ярилов А. А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899. 366 с.
50. Дульзон А. П. Чулымские тюрки и их язык // Уч. зап. ТГПИ. 1952. Т. 9. С. 76–211.
51. Козьмин Н. Н. Хакасы: Историко-этногр. и хозяйственный очерк Минусинск. края. Иркутск: Секция науч. работников Рабпроса, 1925. 184 с.
52. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 307 с.
53. Львова Э. Л. Чулымские тюрки: (историко-этнографические очерки): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 17 с.
54. Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: УПП «Хакасия», 1994. 94 с.
55. Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири / под. ред. Н. А. Томилова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 206 с.
56. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 271 с.
57. Томилов Н. А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX вв.). Омск: Изд-во Омск. пед. ун-та, 2001. 198 с.
58. Грачев И. А. Российская империя и этногенез современных хакасов // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 124–139.
59. Асочакова В. Н. Христианизация хакасов в XVIII веке – 1861 г. (до образования Енисейской епархии). Абакан: [Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова], 2008. 246 с.
60. Асочакова В. Н. Русская колонизация и хозяйственное развитие Хакасско-Минусинского края // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 35–38.

61. Кузьмин О. Ю. Заселение русскими бассейна реки Кия (на примере основания села Чумай Чебулинского района Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 28–35. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35
62. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М.: Астрель; АСТ, 2001. 672 с.
63. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 440 с.
64. Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии. Вологда: Русь, 1995. 122 с.
65. Жабагин М. К., Сабитов Ж. М., Агджоян А. Т., Юсупов Ю. М., Богунов Ю. В., Лавряшина М. Б., Тажигулова И. М., Акильжанова А. Р., Жумадилов Ж. Ш., Балановский О. П., Балановская Е. В. Генезис крупнейшей родоплеменной группы казахов – аргынов – в контексте популяционной генетики // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2016. № 4. С. 59–68.
66. Ярилов А. А. Мелецкие инородцы. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1899. XVI+150+LXIV с.
67. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 277–456.
68. Спасский Г. Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник. СПб., 1821. Ч. 13. С. 7–14.
69. Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. 151 с.
70. Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281
71. Екеев Н. В. Об этнонимах «белые и черные калмаки» (к этнической истории алтайцев XVII–XVIII вв.) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: мат-лы конф., посв. 40-летию ГАНИИИЯЛ. (Горно-Алтайск, 5–6 мая 1992 г.) Горно-Алтайск: Изд-во ГАН ИИИИЯЛ, 1992. С. 114–119.
72. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 332 с.
73. Боргояков М. П. О происхождении и распространении хакасских фамилий // Учен. зап. ХакНИИИЯЛИ. 1972. Вып. 17. С. 235–241.
74. Ульянова М. В., Лавряшина М. Б., Николаев В. В., Октябрьская И. В., Дружинин В. Г. Коренное население северных районов Алтая: отражение демографических процессов конца XIX – начала XXI века в динамике фамильного состава // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3. С. 128–140.
75. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 671 с.
76. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – нач. XX вв.). М.: Координац.-метод. центр прикладной этнографии ИЭИА, 1995. 217 с.
77. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежда, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 178 с.
78. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. М.: Унив. тип., 1833. 298 с.
79. Шерстова Л. И. Тюркоязычное население Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: административное устройство и этноконфессиональные процессы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 108–110.
80. Карцов В. Г. Из истории красноярских качинцев и аринцев // Учен. зап. ХакНИИИЯЛИ. 1960. Вып. 8. С. 90–91.

original article

Assimilation of the Chulym Turkic People by the Russians in the First Half of the XIX Century: the case of the Kolmogorov Family from Chumay Village

Oleg Yu. Kuzmin

Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kemerovo, Russia, Kemerovo
ol.kuzmin1975@yandex.ru

Received 24 Dec 2020. Accepted 14 Jan 2021.

Abstract: The article deals with the assimilation of Siberian indigenous peoples by the first Russian settlers in the north of the Kemerovo region. The research was based on the historical and genealogical methods and featured a microhistorical analysis of a particular settlement of the Chulym Turkic people who lived in the Kiya river basin in the first half of the XIX century. The paper introduces the case of the Kolmogorov family of old-timers from the village of Chumay (Chebulinsky municipal district of the Kemerovo region). The author studied memoirs and parish documents to trace the changes in the status of the Kolmogorovs: from representatives of the indigenous peoples who paid a regular tribute in furs (yasak) to peasants. The research also helped to define the borders of the yasak territories and establish the conditions that encouraged the yasak-payers to settle down as peasants. The exposure to peasantry and Russification was a long stage: it took the Kolmogorovs 25 years to enter the peasant community of Chumay village. Moreover, the process was small-scale and random in the period under review.

Keywords: Siberia, Prichulym'e, Russian old-timers, onomatology, genealogy, Russification

Citation: Kuzmin O. Yu. Assimilation of the Chulym Turkic People by the Russians in the First Half of the XIX Century: the case of the Kolmogorov Family from Chumay Village. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 20–33. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-20-33>

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. *Russian old-timers of Siberia: Historical and anthropological essay*, eds. Bunak V. V., Zolotariova I. M. Moscow: Nauka, 1973, 190. (In Russ.)
2. Shchapov A. P. *Works*. St. Petersburg: Izd. M. V. Pirozhkova, 1908, vol. 3, 718. (In Russ.)
3. Shashkov S. S. *Historical sketches*. St. Petersburg: Izd. N. A. Shigina; Tip. A. Morigerovskogo, 1872, vol. 2, 349. (In Russ.)
4. Iadrintsev N. M. *Siberian foreigners, their way of life, and the current state*. St. Petersburg: Izd. I. M. Sibiriakova; Tip. I. N. Skorokhodova, 1891, 308. (In Russ.)
5. Potanin G. N. *The needs of Siberia. Siberian city. Siberia, its current state, and needs*, ed. Melnik I. S. St. Petersburg: Izd. A. F. Devriena, 1908, 260–294. (In Russ.)
6. Kaufman A. A. *Resettlement and colonization*. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaia polza", 1905, IX+349+81. (In Russ.)
7. Kozmin N. N. On the issue of extinction of non-Slavs. *Sibirskie zapiski (Krasnoyarsk)*, 1916, (2): 99–108. (In Russ.)
8. Bakhrushin S. V. *Scientific works. Vol. 3: Selected works on the history of Siberia XVI–XVII centuries. Pt. 2: The history of the peoples of Siberia in the XVI–XVII centuries*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955, 299. (In Russ.)
9. Dolgikh B. O. *Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960, 622. (In Russ.)
10. Minenko N. A. *North-West Siberia in the XVIII – first half of the XIX century: a historical and ethnographic sketch*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1975, 308. (In Russ.)
11. Fedorov M. M. *The legal status of the peoples of Eastern Siberia (XVII – early XIX centuries)*. Yakutsk: Kn. izd-vo, 1978, 207. (In Russ.)
12. Dameshek L. M. *Internal policy of tsarism and the peoples of Siberia (XIX – early XX centuries)*. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1986, 164. (In Russ.)
13. Dameshek L. M. Integration problems of the indigenous peoples of Siberia into the imperial system of Russia in the XVIII – early XX century. *Siberian society in the context of modernization of the XVIII–XX centuries: Proc. All-Russian Sci. Conf., Novosibirsk, 22–23 Sep 2003*. Novosibirsk: NGU, 2003, 94–105. (In Russ.)

14. Skobelev S. G. *Demography of the indigenous peoples of Siberia in the XVII–XX centuries: fluctuations in numbers and their causes*. Novosibirsk: Novosib. un-t, 1998, 56. (In Russ.)
15. Andusev B. E. *Siberian regional studies: Agriculture, everyday life, traditions and culture of the long-time residents of Yenisei province of the XIX – early XX centuries*. Krasnoyarsk: KGPU, 2003, 336. (In Russ.)
16. Sherstova L. I. *Turkic peoples and Russians in Southern Siberia: ethnopolitical processes and ethnocultural dynamics of the XVII – early XX centuries*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2005, 312. (In Russ.)
17. Asochakova V. N. Christianization of the indigenous peoples of Siberia in the XVII–XIX centuries: historiography aspect. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2012, (1): 39–43. (In Russ.)
18. Murashko O. A. Old-timers of Kamchatka in the historical-demographic and socio-economic perspective. *Interethnic contacts and the development of national cultures*, ed. Krupnik I. I. Moscow: Uchastok operativnoi poligrafii Instituta istorii SSSR AN SSSR, 1985, 77–88. (In Russ.)
19. Krikh A. A. *Non-ethnic components in the composition of the Russian old-time population of the Middle Irtysh region: XVIII century – 1980s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2006, 26. (In Russ.)
20. Konev A. Yu. Inclusion of the yasak people in the class of state peasants (based on materials from Western Siberia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, (3): 11–16. (In Russ.)
21. Grigorovskii N. P. Old-time peasants of the Narym region. *Notes of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographic Society*. Omsk, 1879, book 1, 7–8. (In Russ.)
22. Belikov D. N. *The First Russian peasants-inhabitants of the Tomsk region and different features in the conditions of their life and life: General essay for the XVII and XVIII centuries*. Tomsk: Tipo-lit. M. N. Kononova i I. F. Skulimovskogo, 1898, 138. (In Russ.)
23. Boiarshinova Z. Ia. On the formation of the class of state peasants in Siberia (XVIII – first quarter of the XIX centuries). *Issues of Siberia history*, ed. Borodavkin A. P. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1964, iss. 1, 44–55. (In Russ.)
24. Emelianov N. F. Ethnic and numerical composition of the indigenous population of the Tomsk region in the XVII – first half of the XIX centuries. *From the history of Siberia*. Tomsk: Tomsk. un-t, 1976, iss. 19, 90–107. (In Russ.)
25. Emelianov N. F. *Russian colonization of the Middle Ob' in the feudal age*. Tomsk: Izd-vo TGU, 1981, 181. (In Russ.)
26. Skryabina L. A. *Russians of the Tomsk region. Historical and ethnographic essays (XVII – early XX centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130. (In Russ.)
27. Kamenetskiy I. P. *Russian population of Kuznetsk province in the XVII – early XVIII centuries: (Life experience in the conditions of the frontier of Southern Siberia)*. Omsk: [Omskii in-t RGTEU], 2005, 338. (In Russ.)
28. Uskov I. Yu. *Formation of the peasant population of the Middle Tomsk region in the XVII – first half of the XIX centuries*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 130. (In Russ.)
29. Goncharova T. A. *History of the Lower Tomsk region in the context of interethnic communication (XVII – early XXI century)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2006, 226. (In Russ.)
30. Chursina A. A. *Changing the estate status of service people in Western Siberia and their descendants in the process of economic activity: materials of the Tomsk and Kuznetsk districts*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2012, 23. (In Russ.)
31. Kimeev V. M. *Siberian natives from Kasminsk. Daily life and culture of Russian old-settlers of Kasminsky volost*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 250. (In Russ.)
32. Kosovets V. I. *Settlement and development of the environs of Yurga and the adjacent territories of the middle Volcano and Ob. Yurga: Iurginskii filial FGUP TsNII "Kompleks"*, 2010, 142. (In Russ.)
33. Uskov I. Yu. Dynamics of the number of the Russian population of the Left-bank Prichulym'e in the XVIII – first half of the XIX century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 91–95. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-3-91-95
34. Bykonja G. F. *Russian settlement of the Yenisei region in the XVIII century*, 2nd ed. Krasnoyarsk: KGPU, 2013. 347. Available at: <http://elib.kspu.ru/document/8017> (accessed 15 Dec 2020). (In Russ.)
35. Rezun D. Ia. *Russians on average Prichulymye in the XVII–XIX centuries. (Problems of social and economic development of small towns in Siberia)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1984, 196. (In Russ.)
36. Asochakova V. N. Christianization of the indigenous peoples of Siberia in the context of the yasak policy of the Russian government in the XVIII – early XIX centuries. *Natural conditions, history, and culture of Western Mongolia and adjacent regions*. Proc. VIII Intern. Conf., Gorno-Altai, 19–23 Sep 2007. Gorno-Altai: GAGU, 2007, vol. I, 138–141. (In Russ.)
37. Asochakova V. N. The problem of interethnic interaction during the Christianization of the indigenous population of the Khakass-Minusinsk Territory: XVIII–XIX centuries. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (38): 92–95. (In Russ.)
38. Dobzhansky V. N., Ermolaev A. N. The figure of Kashtaksky jail and mine from "Chorographic drawings book" by S. U. Remezov. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 170–175. (In Russ.)

39. Ermolaev A. N. *The Province of Mariinsk 1856–1917*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 741. (In Russ.)
40. Kationov O. N. *The Moscow-Siberian tract and its inhabitants in the XVII–XIX centuries*. Novosibirsk: NGPU, 2004, 568. (In Russ.)
41. Skryabina L. A. On the history of the Moscow-Siberian postal tract in the territory of modern Kemerovo region. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (7): 53–67. (In Russ.)
42. Karmanov V. A. *Tisul: pages of the past and present of the Tisul region*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1983, 93. (In Russ.)
43. Zelenin F. V. *Mariinsky land. Local history manual*. Kemerovo: Kemer. obl. in-t usovershenstvovaniia uchitelei, 1999, 195. (In Russ.)
44. Belikova O. B. Medieval history of the Pervomaiskaya land. *Pervomaiskaya land*, ed. Iakovlev Ia. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001, 70–93. (In Russ.)
45. Kopylov S., Lapkin F. *City on Kii: to the 300th anniversary of Mariinsk (Kiisk settlement)*. Kemerovo: Kemerovskii poligrafkombinat, 2004, 490. (In Russ.)
46. Kostiuin O. V. *History of Tyazhinskaya land*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, vol. 1, 461. (In Russ.)
47. Vaikutis A. A. *Stages of a difficult path: to the 90th anniversary of the formation of the Chebulinsky region*. Verkh-Chebula, 2014, 48. (In Russ.)
48. Kostrov N. A. *Kizilsky Tatars*. Kazan, 1853, 38. (In Russ.)
49. Iarilov A. A. *Kizilians and their economy*. Yuriev: Tip. K. Mattisena, 1899, 366. (In Russ.)
50. Dulson A. P. Chulym Turkic peoples and their language. *Uch. zap. TGPI*, 1952, 9: 76–211. (In Russ.)
51. Kozmin N. N. *Khakasy: historical, ethnographic and economic sketch of the Minusinsk territory*. Irkutsk: Sektsiia nauch. rabotnikov Rabprosa, 1925, 184. (In Russ.)
52. Potapov L. P. *Origin and formation of the Khakass people*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 1957, 307. (In Russ.)
53. Lvova E. L. *Chulym Turks: (historical and ethnographic essays)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1978, 17. (In Russ.)
54. Butanaev V. Ya. *The origin of the Khakass tribes and families*. Abakan: UPP "Khakasiia", 1994, 94. (In Russ.)
55. *Problems of the origin and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia*, ed. Tomilov N. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987, 206. (In Russ.)
56. Tomilov N. A. *Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late XVI – early XX centuries*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta, 1992, 271. (In Russ.)
57. Tomilov N. A. *Russians of the Lower Tomsk Region (late XIX – first quarter of the XX centuries)*. Omsk: Izd-vo Omsk. ped. un-ta, 2001, 198. (In Russ.)
58. Grachev I. A. Russian Empire and ethnogenesis of modern Khakass. *Siberia in the context of the Russian model of colonization (XVII – early XX century)*, ed. Pavlinskaya L. R. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, 124–139. (In Russ.)
59. Asochakova V. N. *Christianization of the Khakass in the XVIII century – 1861 (before the formation of the Yenisei diocese)*. Abakan: [Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova], 2008, 246. (In Russ.)
60. Asochakova V. N. Russian colonization and economic development of the Khakass-Minusinsk Region. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2018, (25): 35–38. (In Russ.)
61. Kuzmin O. Yu. Settlement of the Kiya river basin by the Russians: case study of the foundation of the village of Chumay in the Chebulinsky district of Kemerovo region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 28–35. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-28-35
62. Ganzhina I. M. *Dictionary of modern Russian surnames*. Moscow: Astrel; AST, 2001, 672. (In Russ.)
63. Unbegaun B. O. *Russian surnames*. Moscow: Progress, 1989, 440. (In Russ.)
64. Chaikina Iu. I. *Vologda surnames*. Vologda: Rus, 1995, 122. (In Russ.)
65. Zhabagin M. K., Sabitov Zh. M., Agdzhoyan A. T., Yusupov Yu. M., Bogunov Yu. V., Lavryashina M. B., Tazhigulova I. M., Akilzhanova A. R., Zhumadilov Zh. Sh., Balanovsky O. P., Balanovska E. V. Genesis of the largest tribal-clan group of Kazakhs – Argyns – in the context of population genetics. *Moscow University Anthropology Bulletin*, 2016, (4): 59–68. (In Russ.)
66. Iarilov A. A. *The Mielec non-Slavs*. Yuriev: Tip. K. Mattisena, 1899, XVI+150+LXIV. (In Russ.)
67. Aristov N. A. Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and peoples and information on their numbers. *Zhivaia starina*, 1896, iss. III–IV, 277–456. (In Russ.)
68. Spasskii G. Teleuts or white Kalmyks. *Siberian Bulletin*. St. Petersburg, 1821, pt. 13, 7–14. (In Russ.)
69. Boiarshinova Z. Ia. *The population of Western Siberia before the Russian colonization*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1960, 151. (In Russ.)
70. Kitinov B. U. Kalmak and Oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia. *RUDN Journal of World History*, 2018, 10(3): 270–281. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-270-281

71. Ekeev N. V. Ethnonyms "white and black Kalmaks" (ethnic history of the Altai in the XVII–XVIII centuries). *Problems of studying the history and culture of Altai and adjacent territories*: Proc. Conf. dedicated to the 40th anniversary of the Gorno-Altai scientific research institute of history, language, and literature, Gorno-Altaiisk, 5–6 May 1992. Gorno-Altaiisk: Izd-vo GAN IIIIaiL, 1992, 114–119. (In Russ.)
72. Zlatkin I. Ia. *History of the Dzungar Khanate, 1635–1758*, 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983, 332. (In Russ.)
73. Borgoiakov M. P. Origin and distribution of Khakass surnames. *Uchen. zap. XakNIIIaLI*, 1972, iss. 17, 235–241. (In Russ.)
74. Ulyanova M. V., Lavryashina M. B., Nikolaev V. V., Oktyabrskaya I. V., Druzhinin V. G. Native populations of the northern Altai: demographic processes of the late XIX – early XXI century as reflected in surname dynamics. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2014, (3): 128–140. (In Russ.)
75. *Essays on the history of Khakassia (from ancient times to the present)*, ed. Butanaev V. Ya. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2008, 671. (In Russ.)
76. Konev A. Yu. *Indigenous peoples of North-West Siberia in the administrative system of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries)*. Moscow: Koordinats.-metod. tsentr prikladnoi etnografii IEIA, 1995, 217. (In Russ.)
77. Georgi J. G. *Description of all peoples living in the Russian state: their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorials. Pt. 2: About the peoples of the Tatar tribe and other not yet decided origin of the Northern Siberian*. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1799, 178. (In Russ.)
78. Pestov I. S. *Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia, 1831*. Moscow: Univ. tip., 1833, 298. (In Russ.)
79. Sherstova L. I. Turkic inhabitants of Tomsk province at the turn of 19 and 20 centuries: administrative structure, ethnic and religious processes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (369): 108–110. (In Russ.)
80. Kartsov V. G. From the history of the Kachins and the Arintsians from Krasnoyarsk region. *Uchen. zap. XakNIIIaLI*, 1960, iss. 8, 90–91. (In Russ.)